

University of
New Haven

University of New Haven
Digital Commons @ New Haven

History Faculty Publications

History

2-2015

Рождение Многонациональной Бюрократии. Прибалтика в Эпоху Александра III [The Genesis of a Multiethnic Bureaucracy. The Baltic Region in the Era of Alexander III]

Bradley D. Woodworth

University of New Haven, bwoodworth@newhaven.edu

Follow this and additional works at: <http://digitalcommons.newhaven.edu/history-facpubs>

Part of the [History Commons](#)

Publisher Citation

"Rozenie mnogonatsional'noi biurokratii. Pribaltika v epokhu Aleksandra III" [The Genesis of a Multiethnic Bureaucracy. The Baltic Region in the Era of Alexander III], in *Rodina* (Moscow) 2/2015: 81-83.

Comments

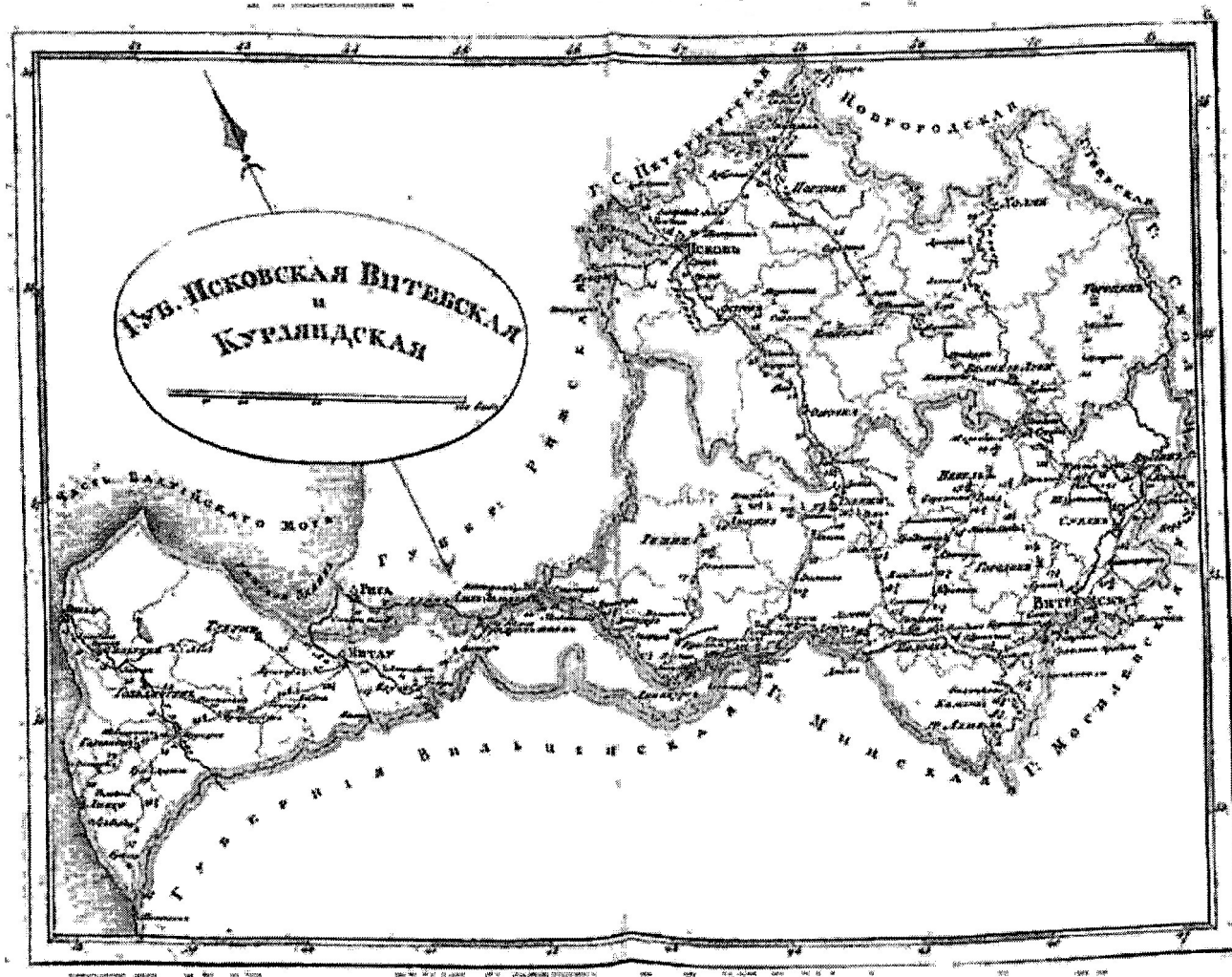
Posted with permission. Please cite only the Russian-language version of this publication, not the English-language draft. *Rodina* Journal's website is [here](#).

КОНТАКТНАЯ ЗОНА

Брэдли Д. ВУДВОРТ,
Университет Нью-Хейвена (США)

РОЖДЕНИЕ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЙ БЮРОКРАТИИ

Прибалтика в эпоху Александра III

В работах, посвящённых истории Эстляндии, Лифляндии и Курляндии — провинций, чьи границы соответствуют территориям нынешних Эстонии и Латвии, — царствование Александра III и последующий период вплоть до 1905 года часто трактуются как «эпоха русификации». Подобная концепция была впервые сформулирована не эстонскими и латышскими историками, а остзейскими (прибалтийскими) немцами. С конца XIX века в историографии утвердилось представление, что указанный период характеризовался острым конфликтом между народами края и властями империи. Рейнхард Виттрам, самый известный из балтийско-немецких историков XX века,

Псковская, Витебская и Курляндская губерний.

отметил, что Александр III при воцарении не подтвердил привилегии остзейских провинций и впоследствии не раз заявлял, что его цель — полное слияние края с империей¹.

Совсем иной представляла эпоха конца XIX — начала XX века под пером историков, уделявших основное внимание положению эстонцев и латышей — большинства населения края. С точки зрения коренных жителей этих мест, Петербург, разрушая балто-немецкий партикуляризм, способствовал их освобождению из-под власти немецких господ, открывая пути социальной мобильности, ра-

нее наглухо для них закрытые. В одной из первых работ по истории остзейских провинций, опубликованной 30 лет назад в США, историки предложили различать «административную» и «культурную» русификацию края². Административная русификация включала в себя, в частности, введение в 1877 году в остзейских губерниях общеимперского городского положения. Важнейшей вехой в истории края стала продолжавшаяся с мая 1882 по август 1883 года ревизия сенатора Н. А. Манасеина. По итогам ревизии в 1885-м был осуществлён комплекс русификаторских мероприятий, включавших введение русского языка в сферу суда, администрации и образовательную

систему. В 1888–1889 годах у местных дворян-землевладельцев были изъяты и переданы чиновникам МВД полицейские полномочия. В крае вводилась общеимперская судебная система.

Ясно, что остзейские немцы воспринимали русификаторские меры 1880-х резко отрицательно³. Однако оценка этой политики будет звучать иначе, если мы примем в расчёт отношение к ней эстонцев, латышей и тех русских, которые проживали в Прибалтике.

Прежде всего не приходится сомневаться, что правительственные меры конца 1870-х и 1880-х годов способствовали подрыву традиционных социальных иерархий Остзейского края. Одним из проявлений этого процесса стало изменение национального состава местной бюрократии. Хорошо известно, что конец XIX века был отмечен появлением на важных административных постах в крае русских. Укажем на назначение М. Н. Капустина попечителем Дерптского учебного округа в 1883 году, князя С. В. Шаховского — эстляндским губернатором в 1885-м и М. А. Зиновьева — лифляндским губернатором в том же году. Подобные назначения, по мысли Александра III, должны были подорвать основу партикуляризма остзейских немцев, усилить русское политическое и культурное присутствие в крае⁴.

Если о назначении русских на важные административные посты написано достаточно много, то о проникновении эстонцев и латышей в ряды бюрократии известно гораздо меньше⁵. Между тем этот процесс отразил важные изменения в социальном облике и системе управления края. Задача настоящей статьи — изучить изменение национального состава царской бюрократии в Прибалтике в последние десятилетия XIX века, прежде всего на примере Ревеля (Таллина) и Риги.

В Ревеле в 1871 году насчитывалось 236 государственных служащих, из них 173 (73,3%) были немцами, 52 (22%) — русскими, а 4 (1,7%) — эстонцами. Кроме того, национальность семерых служащих (3%) не была указана⁶. По данным переписи, проведённой в Эстляндии и Лифляндии в 1881-м, в Ревеле было 300 чиновников (при общем числе жителей 45 880 человек). 61,7% их (185 человек) были немцами, 29,3% (88 человек) — русскими, 6,7% (20 человек) — эстонцами, и 2,3% (7 человек) принадлежали к другим национальностям⁷. Таким образом, за десятилетие при общем незначительном росте численности ревельского чиновничества в его составе несколько увеличилась доля эстонцев и существенно выросла доля русских. Эстонцы служили

в основном в полиции и в учреждениях министерства финансов и МВД⁸.

Иной была ситуация в Риге, которая намного превосходила Ревель по численности населения (169 329 человек в 1881-м). Здесь русские к 1881 году уже обгоняли по численности в составе бюрократии немцев — 501 человек (40,5%) против 421 (34%). Латышей на государственной службе в Риге числилось 169 человек (13,7%). Национальность ещё 147 чиновников (11,9%) неизвестна⁹.

К концу столетия и в Ревеле, и в Риге стали очевидны значительные сдвиги в этническом составе бюрократии. Прежде всего общеимперская перепись населения 1897 года зафиксировала в крае существенный рост численности чиновничества. При этом доля немцев в его составе неуклонно снижалась. Абсолютная численность русских чиновников росла, но доля их в составе бюрократии снижалась — из-за общего увеличения количества государственных служащих. Наконец, латыши и эстонцы (особенно последние) уверенно наращивали своё присутствие в чиновничьем аппарате.

И в Ревеле, и в Риге падение доли немцев в составе бюрократии было внушительным. В первом из этих городов она снизилась с 61,7% (185 человек) до 14,3% (123 человека) и больше не превышала доли немцев в составе населения города (27,8% в 1897-м). В Риге доля немцев в составе бюрократии снизилась с 34% (421 человек) до 18,7% (367 человек). В населении Риги немцы составляли 25,5%. Учитывая ясно выраженное стремление правительства Александра III подорвать влияние немцев в крае, уменьшение численности этой группы в составе государственных служащих было ожидаемым.

Не менее ожидаемым было и увеличение количества русских чиновников в двух городах. В Ревеле их численность выросла с 88 в 1881 году до 236 в 1897-м, в Риге — с 501 до 670. Однако из-за общего значительного роста количества чиновников доля русских в составе этой группы уменьшилась в Риге с 40,5% до 34,2%, а в Ревеле с 29,3% до 27,4%. Доля русских среди населения Риги и Ревеля составляла в 1897 году соответственно 16,9% и 10,2%.

О русском чиновничестве в Прибалтике конца XIX века, его взглядах и социальном положении до сих пор известно мало. Касаясь этой категории населения, исследователи обращали внимание в первую очередь на отдельных высокопоставленных администраторов. Неплохо изучена и деятельность основанных русскими в Ревеле и Риге добровольных

общественных организаций. В эстонской историографии русские чиновники средней руки, прибывшие на службу в Прибалтику, рассматривались обычно как люди благонамеренные, желавшие добра коренному населению края, но мало знакомые с его реалиями¹⁰.

Какой же была ситуация на самом деле? Не приходится сомневаться, что многие из тех, кто работал под началом Шаховского и Зиновьева, испытывали к балтийским немцам сильную неприязнь. Одним из них был Михаил Николаевич Харузин (1860–1888) — молодой юрист, чиновник МВД, яркий и талантливый представитель русской администрации в Ревеле. В отличие от большинства своих коллег, Харузин прекрасно разбирался в реалиях края. Москвич, выходец из богатой купеческой семьи, он ещё в 1871 году был отправлен родителями в Ревель, где учился в местной немецкой гимназии¹¹. Окончив в 1879-м гимназию, будущий чиновник отучился на юридическом факультете Московского университета, продолжил обучение в Гейдельберге и Берлине и защитил диссертацию по юриспруденции в Москве. В 1887 году Харузин был назначен чиновником по особым поручениям при эстляндском губернаторе и редактором официальной газеты «Эстляндские губернские ведомости». Несмотря на многие годы, проведённые в немецких учебных заведениях, в Прибалтике Харузин был последовательным противником привилегий немецкой верхушки — что отразилось, в частности, в публикациях официальной газеты. Составив каталог местных правовых актов, в которых были отражены юридические особенности положения края, Харузин написал затем специальное исследование, доказывавшее несостоятельность партикуляристских стремлений местной верхушки¹². Неожиданная смерть от брюшного тифа в 1888 году оборвала едва начавшуюся блестящую карьеру молодого чиновника.

Важным аспектом истории Прибалтийского края, до сих пор не привлекавшим внимания историков, был значительный рост в конце XIX века количества латышей и эстонцев на государственной службе. Поразительным было увеличение количества служащих-эстонцев в Ревеле — с 20 человек в 1881 году (6,7% численности всех служащих) до 442 в 1897-м (51,3%). Скорее всего выглядел рост числа служащих-латышей в Риге — со 169 человек (13,7%) до 245 (12,5%). Эстонцы и латыши занимали должности среднего и низшего уровня — работая полицейскими, делопроизводителями, почтовыми и железнодорожными служащими. Образованные представители

местного населения могли также служить в уездных учреждениях по крестьянским делам, занимали должности инспекторов народных училищ¹³.

В последней трети XIX века доступность образования для разных групп населения в Прибалтике значительно возросла. До этого начальное и особенно среднее образование могли получить главным образом сыновья остзейских немцев-дворян. Увеличение численности коренного населения и русификация системы учебных заведений, начавшаяся в первой половине 1880-х, привели к изменениям в постановке учебного дела в Прибалтике. Эстонцы и латыши получили более широкие возможности для получения образования и, соответственно, для овладения новыми профессиями и занятия более престижных должностей. Так, рост числа эстонцев на государственной службе был, безусловно, связан с увеличением количества представителей этой этнической группы, имевших высшее образование. В землях, населённых эстонцами — в Эстляндии и северной Лифляндии — количество учащихся средних школ из крестьян (скорее всего, эстонцев по национальности) выросло с 42 человек в 1881 году (6,6% всех учащихся) до 406 в 1899-м (18,7%)¹⁴. Увеличение количества учащихся-эстонцев совпало по времени с введением в систему обучения в крае русского языка. Согласно установленному в 1887 году порядку, начиная с 3-го класса обучение должно было осуществляться на русском языке. С 1892 года преподавание русского вводилось начиная с 1-го класса. Рост числа учащихся-эстонцев был заметен и в высшей школе. Если в 1875 году в Дерптском университете училось всего 25–30 эстонцев, то в 1880-м их было 50, а в 1890-м — 100¹⁵. В высшем

образовании в Прибалтике русский язык начал вводиться с 1887 года. Логично предположить, что усиленное обучение ему серьёзно способствовало притоку эстонцев на государственную службу — где знание русского было обязательным.

В Риге увеличение количества латышей на государственной службе было не таким значительным, как эстонцев в Ревеле. Однако оно было замечено современниками. Известный историк литературы В. Е. Чешихин (1867–1923), сын основателя газеты «Рижский вестник» Е. В. Чешихина, писал в 1901 году, что среди латышей появились адвокаты, врачи, учителя, профессора, чиновники. Если раньше слова «латыш» и «крестьянин» были практически синонимами, то теперь латыши заняли в Российской империи одно из первых мест по уровню образования¹⁶.

Последние годы царствования Александра III были отмечены серией контрреформ, значительно ограничивших либеральные нововведения 1860–1870-х годов. Городовое положение 1892 года (введённое также и в Прибалтике) существенно повысило имущественный ценз для участия в выборах органов городского самоуправления. В результате оказалось, что, кроме представителей немецкой верхушки, мало кто имеет шансы быть избранным в городскую думу. Деятельность муниципальных органов Риги и Ревеля погрузилась в спячку¹⁷.

А каково было влияние контрреформ на национальный состав государственных служащих в Остзейских губерниях? Ответить на этот вопрос сложно, ибо никаких исследований этого состава в начале XX века не проводилось. Но всё же есть данные, свидетельствующие о том, что в Эстляндии количество эстонцев

на государственной службе продолжало увеличиваться. В бытность премьер-министром П. А. Столыпина власти попытались целенаправленно увеличить в составе бюрократии Остзейского края долю русских. В 1908 году в Ревеле русские занимали 5 из 6 высших должностей в аппарате губернской администрации в Ревеле (шестую занимал немец), но из 12 ключевых постов в канцелярии губернатора 5 были заняты эстонцами, 6 — русскими и 1 — поляком. Немцы по-прежнему были широко представлены лишь на медицинских и технических должностях¹⁸.

Складывание в последние десятилетия XIX века в Прибалтике многонациональной бюрократии позволяет утверждать, что сфера государственной службы достаточно чутко отражала изменения, происходившие в структуре общества. Следует признать, что главным явлением той эпохи не был национальный конфликт между остзейскими немцами, эстонцами и латышами, с одной стороны, и русскими, поддержанными имперским государством, — с другой. Скорее важнейшую роль в те годы играли процессы складывания гражданского самосознания. Едва ли можно утверждать, что в правление Александра III эстонцы и латыши подверглись глубокой культурной русификации. В то же время реформы, проводившиеся имперскими властями, открыли для местного коренного населения новые, немыслимые ранее возможности. Повзрослел образовательный уровень местного населения, изменилась его профессиональная структура, окрепла уверенность в собственных силах. Всё это в значительной степени помогло ему встретить вызовы нового, XX столетия.

г. Нью-Хейвен

Перевод Александра Полунова

Примечания

1. Wittram R. Baltische Geschichte. Die Ostseelände Livland, Estland, Kurland 1180–1918. München. 1954. S. 216.
2. Thaden E. C. et al. Russification in the Baltic Provinces and Finland, 1855–1914. Princeton, N. J. 1981.
3. Беспристрастный очерк истории балтийских немцев представлен в статье: Haltzel M. The Baltic Germans // Thaden E. C. et al. Op. cit. P. 124–183. См. также: Андреева Н. С. Прибалтийские немцы и российская правительственная политика в начале XX в. СПб. 2008. С. 54–75.
4. См.: Haltzel M. Der Abbau der deutschenständischen Selbstverwaltung in den Ostseeprovinzen Russlands. Ein Beitrag zur Geschichte der russischen Unifizierungspolitik. Marburg. 1977. Имелись существенные отличия в воззрениях Зиновьева и Шаховского на высшее общество Остзейских губерний. Зиновьев воспринимал корпоративной сплочённостью местного немецкого дворянства, считал важным сохранить его роль в управлении краем и старался проводить русификаторские реформы максимально гибко. Шаховской же считал

5. острейских немцев непримиримыми врагами русского государства. Эстонцы полагали, что он склонен поддерживать их выступления против привилегий немецкого дворянства. При этом нужно отметить, что и Зиновьев, и Шаховской, и Капустин негативно относились к доминированию немецкой элиты в культурной жизни края. См. также: Jansen E. Aleksander III venestusreformid ja eesti avalikkus // Acta Historica Tallinnensia. 2005. № 9. L. 47–48.
6. См.: Woodworth B. Multiethnicity and Estonian Tsarist State Officials in Estland Province, 1881–1914 // Russian Bureaucracy and the State. Officialdom from Alexander III to Putin. Basingstoke. 2009. P. 72–88.
7. Die Resultate der Volkszählung der Stadt Rēval am 16 November 1871. Rēval. 1874. S. 132.
8. Следует отметить, что национальность определялась по родному языку.
9. Ergebnisse der baltischen Volkszählung vom 29 December, 1881. Theil II. Ergebnisse der estländischen Volkszählung. Bd. I. Die Zählung in Riga und imrigaschen Patrimonialgebiet. Lieferung I. Riga. 1883. S. 10.
10. Eesti NSV ajalugu. 2. Tallinn. 1963. P. 218.
11. Целый ряд родственников и знакомых Харузиных отравили своих сыновей для обучения в Ригу и Ревель. См.: Харузин В. Н. Прошлое: воспоминания детских и отроческих лет. М. 1999. С. 44–45. О семье Харузиных см.: Чернова Т. Харузины // Tallinn. 2002. № 28. С. 175–180; № 29–30. С. 187–194.
12. См.: Харузин М. Н. Балтийская конституция. Исторический очерк. М. 1888. В исследовании поддерживаются проводившиеся правительством русификаторские реформы. Будучи человеком большой эрудиции, Харузин в то же время испытывал сильное влияние националистических настроений и преувеличивал возможность русско-эстонского культурного сближения, в частности, степень тяготения эстонцев к православной церкви.

13. Ergebnisse der baltischen Volkszählung vom 29 December, 1881. Theil I: Ergebnisse der livländischen Volkszählung. Bd. I. Die Zählung in Riga und imrigaschen Patrimonialgebiet. Lieferung I. Riga. 1883. S. 10.
14. Eesti NSV ajalugu. 2. Tallinn. 1963. P. 218.
15. Целый ряд родственников и знакомых Харузиных отравили своих сыновей для обучения в Ригу и Ревель. См.: Харузин В. Н. Прошлое: воспоминания детских и отроческих лет. М. 1999. С. 44–45. О семье Харузиных см.: Чернова Т. Харузины // Tallinn. 2002. № 28. С. 175–180; № 29–30. С. 187–194.
16. См.: Харузин М. Н. Балтийская конституция. Исторический очерк. М. 1888. В исследовании поддерживаются проводившиеся правительством русификаторские реформы. Будучи человеком большой эрудиции, Харузин в то же время испытывал сильное влияние националистических настроений и преувеличивал возможность русско-эстонского культурного сближения, в частности, степень тяготения эстонцев к православной церкви.
17. См.: Karjahärm T., Sirk V. Eesti haritlaskonna kujunemine ja ideed 1850–1917. Tallinn. 1997. L. 61; Jansen E. Eestlane muutumas ajas: seisushäkkonnast kodanikeühiskonda. Tartu. 2007. L. 373.
18. Hariduse ja kooli ajaloo eestis. Tallinn. 1979. P. 60. См. также: Universitas Tartuensis. Tartu. 2007. L. 221.
19. Eesti Ülikoolialgus. Tartu Ülikooli uuestisünd rahvusülikooli na 1919. I. Tartu. 1994. L. 15.
20. Ветринский Ч. (Чешихин В. Е.) Среди латышей. Очерки. М. 1901. Цит. по: Von Hirschhausen U. Die Grenzen der Gemeinsamkeit: Deutsche, Letten, Russen, und Juden in Riga 1860–1914, Göttingen. 2006. S. 91.
21. См.: Woodworth B. Administrative Reform and Social Policy in the Baltic Cities of the Russian Empire: Riga and Rēval, 1870–1914 // Jahrbuch für europäische Verwaltungsgeschichte. 2004. № 16. S. 136–140.
22. Hagen M. Russification via «Democratization»? Civil Service in the Baltic after 1905 // Journal of Baltic Studies. 1978. № 8. P. 56–58.